

Михаил Дудин «Армения стала моей необходимостью»

Русского советского поэта Михаила Александровича Дудина можно по праву назвать поэтом, несущим в себе свое противоречивое время, отразившим в своем творчестве историю, войну, острейшие экономические и межнациональные проблемы, крушение империи и распад старых духовных ценностей. Последние годы жизни поэта совпали с горбачевской перестройкой и гласностью, когда все, что до этого вмещалось в Союзе в перешептывания, ночные разговоры на кухне, вдруг хлынуло неудержимым потоком на поверхность, ошеломляя людей жестокой правдой. Так уж получилось, что одно из последних прижизненных изданий стихотворений Михаила Дудина было осуществлено в столице Армении Ереване в 1989 году. Наряду со стихами, в книгу, которая носит библейское название «Земля обетованная», вошли переводы, эссе, статьи, воспоминания поэта. Книга была издана после землетрясения в Армении, и весь гонорар от ее продажи поэт перечислил в фонд строительства новой школы в зоне бедствия. Интересна история, связанная с продажей этого сборника. Ее организовали преподаватели русского отделения филологического факультета Ереванского университета во главе с деканом Левонем Мкртчяном.

Деятельность Михаила Дудина – ценителя армянской культуры охватывает и переводы из армянской поэзии, и оригинальные стихи поэта об армянах и Армении, а также эссе и воспоминания. Благодаря переводам Михаила Дудина по-новому и свежо зазвучали на русском языке стихи армянских классиков и современных поэтов. Дудинское прочтение стихотворений армянских поэтов приблизило их к современным ценителям поэзии, наполнило новым содержанием, созвучным времени.

Впервые Михаил Дудин приехал в Армению в 1975 году как раз на праздник переводчиков, на открытии которого поэт произ-

нес слова: «Я благодарен Армении прежде всего за ее прекрасных поэтов. Я благодарен Армении за то, что на ее прочной земле, под ее щедрым солнцем существует праздник переводческого искусства... Всегда и во все времена переводчики были теми мастерами, что своим искусством наводили мосты между народами и континентами» [3,109]

На протяжении многих лет Михаил Дудин обращался к творчеству национальных поэтов, которые были близки и созвучны ему самому. Не все переводы Дудина равнозначны по своим литературно-художественным достоинствам и близости к оригиналам. Дудину, как и многим другим поэтам-переводчикам, была вначале свойственна излишняя прямолинейность, граничащая с буквализмом, черта, которую он преодолел именно в переводах армянской поэзии. Михаил Дудин перевел стихи таких армянских поэтов, как Аветик Исаакян, Ваан Терьян, Егише Чаренц, Амо Сагян, Геворг Эмин и Сильва Капутикян. Многие переведенные Дудиным стихи уже до него переводились другими поэтами, среди которых Валерий Брюсов, Александр Блок, Белла Ахмадулина. При этом Дудин не опасался естественного сравнения разных переводов одного и того же стихотворения, так как его переводы ни в чем не уступают, на наш взгляд, переводам признанных классиков. Нередко даже дудинский перевод стоял ближе к оригиналу и более точно отражал его суть и переживания, ведь перевод – это всегда версия, и «у каждого переводчика есть своя версия оригинала». [8,12] Одним из безусловных критериев культурной ценности любого литературного произведения является и количество его переводов на тот или другой язык. Михаил Дудин, переводя уже переведенные его предшественниками стихотворения, приближал оригинал к своему времени, отражая в этом творческом акте и индивидуальный стиль автора оригинала, и свой собственный стиль, что неизбежно и закономерно. В какой-то степени звучащие по-русски Исаакян или Терьян – это и есть сам Михаил Дудин. Занимаясь переводами, Дудин всегда старался придерживаться основного правила: максимально приблизить стихи армян-

ских поэтов к русскому читателю. Особенно заметно это по переводам Аветика Исаакяна, который в дудинском прочтении стал звучать более сдержанно и менее по-восточному надрывно.

Мираж возник в пустыне дикой

И в образ женщины один

Всей безысходностью великой

Души влюбился бедуин [3,13]

Сравним те же строчки, переведенные Вс. Рождественским

В миражах пустыни вечерней порой

Прекрасную деву узрел бедуин

С тех пор только к ней он стремился душой

В тоске ненасытной средь жарких равнин[6,143]

И хотя перевод Дудина менее близок к оригиналу, зато он изобавлен и от тоскливых эпитетов любовной поэзии Востока. По словам армянского критика Л.Мкртчяна: «Парадокс перевода в том и выражается, что условия его существования не только в его адекватности оригиналу, но и в его неадекватности»[8,74] Порой в переводах Михаил Дудин довольно энергично подчиняет первоисточник складу своей оригинальной лирики, потому что поэту-переводчику всегда труднее всего передать звуковую сторону стиха. Но, тем не менее, переводы Михаила Дудина из армянской поэзии бережно сохранили главные особенности стихотворений армянских поэтов.

На редкость удачно перевел Михаил Дудин и стихотворения такого непростого поэта как Амо Сагиян, всегда убежденного в том, что переводить свои стихи на чужой язык – словно разрушать здание, тобою же построенное. Сагиян особенно близок Дудину своей любовью к «малой» родине, тоской по родным местам. Дудинское прочтение стихотворений Амо Сагияна и на русском языке сохраняет ностальгически-подробное описание мира давно ушедшего детства, в котором «сестра шиповник спелый рвет», «идет отец на обмолот», «готовит бабушка пирог». Стихи Сагияна привлекли внимание Дудина не случайно, ведь и его

собственная лирика хранит трепетные воспоминания о родных ивановских местах, о селе Вязовском, о деревеньке Клевнево.

Там мама через луг
Крутой тропинкой с бережка
Плыла, раскинув крылья рук
По коромыслу бережно [1,11]

Поэзию можно сравнить с экзотическим цветком, который может и не прижиться на чужой почве. Оторванная от родных источников, поэзия нередко теряет свою силу, бледнеет и гаснет, в то время как привязанная к породившей ее земле поэзия, благодаря именно этой привязанности, становится интересной людям других земель и стран. И огромная заслуга Михаила Дудина – переводчика армянской поэзии и в том, что его лучшие переводы сумели избежать и излишнего буквализма и излишней вольности. Буквализм в переводе всегда старается подчеркнуть экзотичность национальной литературы, и при этом может пострадать качество перевода, а переведенное стихотворение и его автор могут остаться чужими и непонятными. Уместно вспомнить высказывание М.Гаспарова о Валерии Брюсове, чьи переводы порой были чересчур уж буквальными. «Теперь для него общечеловеческое в явлениях культуры – ничто, а индивидуальное, своеобразное – все»[5,108]

В то же самое время чересчур вольный перевод часто приводит к искажению оригинала. И вольный, и буквалистский переводы выполняют сугубо ограниченные, временные задачи. Михаил Дудин – переводчик избрал для себя «золотую середину», и от этого принципа он отходил редко, даже когда переводил армянских поэтов, совершив с их помощью свое открытие «Страны На-ири» Ваана Терьяна, смягчив в своих переводах неистовство Египше Чаренца, и найдя общность с ироническими стихами Сильвы Капутикян.

Интерес Михаила Дудина к Армении и армянам не исчерпывался только переводами. Его переводческая деятельность сопровождалась появлением целой серии публицистических статей

и откликов на издание книг, юбилеи того или иного деятеля армянской культуры, а также многочисленными стихотворениями и прозаическими эссе, которые можно назвать своеобразными «комментариями к переводам» [7,115]. Некоторые дудинские заметки, очерки и эссе являются короткими рассказами о поэтах, которых он переводил. Они гармонично дополняют переводы, подготавливая знакомство читателя с личностью и творческой судьбой авторов оригиналов. («С жаворонком на плече» об Исаакяне, «Своей любовью бесконечной» о Чаренце и др.) «Все поэты мира – родственники» [2,335], – утверждал Дудин, хотя родственники могут быть как близкими, так и дальними. Дудин пишет только о тех поэтах, чей лирический мир ему наиболее близок, даже если их разделяют века. Таким для русского поэта является великий армянский мыслитель Средневековья Григор Нарекаци, чья личность «и через десять столетий... поражает своей страстью, отчаяньем и страданиями неотвратимого поиска истины» [3,428]. Юбилейные посвящения и статьи Михаила Дудина о Микаэле Налбандяне, Сильве Капутикян и других выдающихся армянах не превращаются в сухие или патетические фразы о признании заслуг того или иного юбиляра перед отечественной культурой, вызывающие риск появления фальшивых нот.

Михаил Дудин написал вступительное слово и к первому русскому изданию знаменитого романа об армянском геноциде австрийского писателя Франца Верфеля «Сорок дней Мусадата», который он называет произведением не только о трагедии, но и о мужестве и патриотизме, настоящим учебником сопротивления, так как Верфель обратился в своей книге «не столько к жертвам, сколько к героям, не к пассивному подчинению, а к сопротивлению» [3,160]. Естественно, Дудин в своих статьях и эссе не ставит дать подробный литературоведческий анализ творчества писателей – героев этих очерков. Он всего лишь на высоком, эмоциональном уровне выражает свое собственное отношение к ним и их произведениям. Эта эмоциональная тональность, лиричность и задушевность объединяет очерки, статьи и эссе в особый,

своеобразный цикл о поэтах, прозаиках, художниках Армении. В цикле «Поле притяжения» отчетливо замечаются элементы документальной прозы, проявляющиеся в прямом, достоверном отражении реальных событий и почти полном отсутствии вымысла. И если Осип Мандельштам назвал свое «Путешествие в Армению» «полуповестью», то прозаические миниатюры Дудина об Армении можно считать «полурасказами». Иллюстрируют дудинские «стихотворения в прозе» об армянских поэтах, ученых, об озере Севан и двуглавом Арарате оригинальные стихи поэта, в которых вырисовывается образ Армении в целом. Эти стихи написаны в форме дружеского послания, так популярного в русской классической поэзии («Три письма в Армению»). Михаил Дудин был одним из первых представителей российской интеллигенции, которые посетили Армению и Нагорный Карабах сразу после начала карабахских событий в 1988 году. Карабахские стихи Дудина, отличаясь злободневностью и остротой, говорят не только о проблемах маленького горного края, но и ставят «вечные» вопросы о войне и мире, в частности.

Находит наважденье на людей,
И каждый день от имени Аллаха
Муллы кричат: «Неверного убей!»
В большую справедливость Карабаха.
Война — на той и этой стороне,
Война засад из-за угла без крика.
Она идет не по-людски и не
По-божески, — по-сатанински дико.
В ней ненависть не знает берегов.
Война идет. Покой и сон гоните,
Война людей, война людских богов
С кровавою резнёю в Сумгаите. [3, 124]
«Читая эти стихи, Дудин вдруг остановился:
— Не обидятся ли муллы? — спросил он и сам же ответил:

— Да они же поймут, о ком я пишу. Ведь вот в чем дело. Не надо стalkerивать богов. Страдают-то люди... «(из воспоминаний Левона Мкртчяна) [9, 17]

Во время поездки в Карабах Дудина особенно поразила сцена в аэропорту Степанакерта, приведшая к написанию одного из проникновенных стихотворений о «войне людских богов»

Мать погромщиком убита
Без отмщения в веках.
Девочка из Сумгаита
на чужих сидит руках
Все глаза от страха плачет
не глядит на белый свет
И Христос над ней не плачет,
И не стонет Магомет [3,99]

«Эта девочка напомнила мне другую ее сверстницу, которую я видел в январе 1944 года под Колпином, которое защищали и армяне и их соседи, и тоска недоумения выжимала слезы из моих повидавших человеческое горе на нашей земле глаз. И я говорил и тем и другим: «не кровь, а мудрость победить должна». Но когда в людские споры вмешиваются Боги, слова теряют смысл» [3,206] Армения и Карабах привлекли внимание русского поэта Михаила Дудина тем, что в исторической судьбе армянского народа, в его трагическом прошлом и драматическом настоящем отразились не только проблемы самих армян, связанные с геноцидом, национально-освободительным движением и восстановлением потерянной государственности, но и потому, что сегодняшнее положение Армении, ее существование во враждебном окружении, позволяют глубже рассмотреть политические, религиозные, национальные и территориальные противоречия современного мира в целом.

Еще в ладонях каменного ложа
Как зеркало синее твой Севан
И есть еще для праздника армян
Возможностей шагреновая кожа...

В судьбе Вселенной и судьбе зерна
Садовника достойная награда
душа творца истоку жизни рада
И плачет о бессмертии зурна
Воде и Солнцу в кисти винограда [3,9]

Литература

1. *Дудин Михаил*. Собр. Соч. в 4-х томах М.1987, т.1.
2. *Дудин Михаил*. Собр. Соч. в 4-х томах М. 1987, т.4.
3. *Дудин Михаил*. Земля обетованная. Ереван, 1989.
4. *Дудин Михаил*. Дорогой крови по дороге к Богу. С-Петербург, 1995
5. *Гаспаров М.* Брюсов и буквализм. В кН. «Мастерство перевода», М, 1971.
6. *Исаакян Аветик*. « Я уподобил сердце небу», Ереван, 1988.
7. *Лавров В.* Михаил Дудин Ленинград, 1988.
8. *Мкртчян Л.* «Если бы в Вавилоне были переводчики». Ереван, 1987.
9. *Мкртчян Л.* «Для человека ход времени печален». Штрихи к портрету Михаила Дудина. Ереван, 1994